

наго нѣтъ, т.-е. нѣтъ прямого факта, указывающаго на это.

„Вронскій!“—продолжаетъ допытываться Анна. — „Ну что же? Неужели между мною и этимъ офицеромъ-мальчикомъ существуютъ и могутъ существовать какія-нибудь другія отношенія, кромѣ тѣхъ, какія бываютъ съ каждымъ простымъ знакомымъ?“

Подобное предположеніе, такъ ясно выраженное, вызываетъ въ ней презрительный смѣхъ, но когда, выйдя во время остановки поѣзда на одной изъ станцій, Анна видитъ предъ собою Вронскаго (появленіе котораго было полнѣйшей неожиданностью для нея), то ее охватываетъ „чувство радостной гордости. Ей не нужно спрашивать, зачѣмъ онъ тутъ. Она знала это такъ же навѣрно, какъ если бы онъ сказалъ ей, что онъ тутъ для того, чтобы тамъ быть, гдѣ она. Этого желала ея душа, но разсудокъ боялся“.

Въ Петербургѣ первое лицо, которое она увидѣла, выйдя изъ вагона, было лицо мужа.

„Ахъ, Боже мой! отчего у него стали такія уши?“—думаетъ она, глядя на его холодную и представительную фигуру и особенно на поразившіе ее теперь хрящи ушей.

„Глядя на мужа, она испытываетъ недовольство собою. Чувство это было домашнее, знакомое чувство, похожее на состояніе притворства, которое она испытывала въ отношеніяхъ къ мужу; но прежде она не замѣчала этого чувства, теперь же она ясно и больно сознала его“.